

Физоанна Линдсей

Любовь
не ждет

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л59

Серия «Мини-Очарование: Лучшее»

Johanna Lindsey
ONE HEART TO WIN

Перевод с английского *Л.В. Сазоновой*
Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения издательства Gallery Books,
a Division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Любовь не ждет : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. Л. В. Сазоновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-102468-0

Две семьи, враждующие с давних времен, наконец решили примириться. И разумеется, самый удачный ход — поженить своих детей, Тиффани и Хантера. Правда, невеста в силу определенных обстоятельств никогда не видела жениха.

Конечно, никто не собирается принуждать Тиффани, если ей не понравится Хантер. Волей случая девушка попадает на его ранчо и выдает себя за экономку.

Хантер также не горит желанием жениться на изнеженной, по его понятиям, горожанке. Он влюбляется в молоденькую домоправительницу, не подозревая, что это и есть его нареченная...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Johanna Lindsey, 2013
© Перевод. Л.В. Сазонова, 2013

ISBN 978-5-17-102468-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Еще до того, как ее дочь, Тиффани, открыла парадную дверь городского особняка, Роуз Уоррен перестала плакать, но она не могла выбросить из головы слова, расстроившие ее до слез: «Приезжай с ней, Роуз. Прошло пятнадцать лет. Неужели ты недостаточно долго мучила всех нас?»

Обычно она позволяла дочери читать письма от Франклина Уоррена. Он всегда сохранял нейтральный тон, так чтобы Роуз могла делиться ими с дочерью. Но не на этот раз, и Роуз поспешно смяла письмо и сунула его в карман, услышав голос Тиффани, донесшийся из холла. Дочь не знала, почему ее родители не живут вместе. Даже Фрэнк не знал истинной причины, заставившей Роуз покинуть его. И по прошествии стольких лет казалось, что лучше оставить все как есть.

— Тиффани, зайди, пожалуйста, в гостиную! — окликнула Роуз дочь, прежде чем та поднялась наверх, в свою комнату.

Войдя в гостиную, Тиффани сняла шляпку, блеснув в полуденном свете рыжевато-белокурыми волосами. Затем стянула с плеч короткую легкую накидку. Хотя погода стояла теплая, приличия требовали, чтобы respectable дамы, выходя из дома, одевались соответственно.

Глядя на дочь, Роуз в очередной раз осознала, что ее дорогая малышка уже не маленькая.

В этом году Тиффани исполнилось восемнадцать, и Роуз молилась, чтобы ее дочь перестала расти. Со своими пятью футами и восемью дюймами она уже существенно превысила средний рост и часто сетовала по этому поводу. Ростом Тиффани пошла в отца, от него же унаследовала изумрудно-зеленые глаза, просто не знала об этом. От Роуз ей достались изящные черты, делавшие ее на редкость хорошенькой, и рыжие волосы, но скорее медного оттенка.

— Я получила письмо от твоего отца.

Ответа не последовало.

Раньше Тиффани радовалась письмам Фрэнка, но это время давно закончилось — примерно тогда же она перестала спрашивать, когда он приедет.

Сердце Роуз разрывалось при виде безразличия, с которым дочь стала относиться к своему отцу. Конечно, у Тиффани не сохранилось никаких воспоминаний о Фрэнке. Она была слишком мала, когда они уехали из Нэшарта, небольшого городка в Монтане. Роуз сознавала, что нужно было позволить им встречаться. Фрэнк был достаточно великодушен, чтобы присылать к ней в Нью-Йорк мальчиков, и она чувствовала себя виноватой, что не платит ему тем же, не разрешая дочери навещать его в Монтане. Но она слишком боялась, что Фрэнк не позволит Тиффани вернуться домой. Это был ее ночной кошмар, и отнюдь не беспочвенный. В гневе Фрэнк угрожал, что заберет у нее дочь. Это была не единственная угроза, к которым он прибегал, пытаясь воссоединить свою семью, и вряд ли его можно было винить в этих попытках. Но Роуз знала, что этого никогда не случится. И теперь предстояло столкнуться с тем, чего она боялась больше всего: если Тиффани окажется в Монтане, она, Роуз, больше никогда ее не увидит.

4 Наверное, ей следовало настоять, чтобы жених Тиффани приехал в Нью-Йорк и ухажи-

вал за ней здесь. Но для Фрэнка это стало бы последней каплей. В течение пятнадцати лет он уважал ее желания и держался в стороне от дочери. Но пришло время, и Тиффани должна вернуться под его крышу. Мать обещала это Фрэнку и не может с чистой совестью держать их в разлуке и дальше.

Подойдя ближе, Тиффани протянула руку за письмом. Но Роуз указала ей на диван.

— Сядь.

Тиффани, несколько озадаченная, приподняла бровь, но села напротив матери. Комната была большой, как и сам дом. Родители Роуз происходили из богатых семей, прибывших из Старого Света, и теперь все состояние принадлежало ей. Вернувшись с трехлетней дочкой из Монтаны, Роуз обнаружила, что мать поправляется от болезней, которые за те пять лет, что Роуз отсутствовала, сделали ее инвалидом. Мать прожила всего четыре года, но по крайней мере Тиффани узнала свою бабушку.

Это было мучительное время в жизни Роуз. Ей пришлось отказаться от мужа и трех сыновей, а потом она потеряла и свою единственную родительницу. Но по крайней мере у нее была Тиффани. Наверное, она сошла бы с ума, если бы пришлось отдать и Тиффани. Но этот день все же настал...

— Опять важный разговор? — скучающим тоном осведомилась Тиффани.

— Ты стала дерзкой, с тех пор как тебе исполнилось восемнадцать, — заметила Роуз.

— Ну, если ты так называешь возмущение, которое гложет меня, то прекрасно. Пусть я буду дерзкой.

— Тиффани...

— Я не поеду в Монтану, мама. Мне нет дела, что это означает кровопролитие. Я не поеду туда, даже если больше никогда не увижу своих братьев.

Я отказываюсь выходить замуж за человека,

которого никогда не видела, — заявила Тиффани, скрестив руки на груди и вызывающе вздернув подбородок. — Ну вот, наконец-то я высказала все, что думаю, и не изменю своего решения.

— Я полностью с тобой согласна.

Глаза Тиффани удивленно расширились, и она радостно взвизгнула.

— Спасибо! Ты не представляешь, как я переживала по этому поводу...

— Позволь мне закончить, — перебила ее Роуз. — Я согласна, что нельзя выходить замуж за человека, которого ты никогда не видела. Ты поедешь в Монтану и познакомишься с ним. У тебя будет несколько месяцев, чтобы узнать его лучше, и если по истечении этого срока ты придешь к выводу, что он тебе не нравится, ты вправе покончить с этой помолвкой и вернуться в Нью-Йорк еще до холодов. Даю тебе слово, Тиффани.

— Почему ты никогда не говорила, что я могу отказаться от этого брака, который вы с отцом устроили, когда я была совсем маленькая?

— Потому что надеялась, что ты по доброй воле согласишься с выбором, который я сделала для тебя. Мне хотелось, чтобы ты привыкла к этой идее и, возможно, даже стремилась к этому моменту.

— Но Монтана совсем дикое место!

— Неужели мы не можем поговорить, не переходя на крик? — осведомилась Роуз и с легкой усмешкой добавила: — Монтана совсем не такая дикая, как тебе представляется. Мне казалось, что братья убедили тебя в этом. Это одно из самых красивых мест, которые я когда-либо видела. Вполне возможно, что тебе там понравится.

— Мне нравится здесь, где я выросла, где живут мои друзья, где живешь ты, — пробурчала Тиффани и продолжила громче: — И где мужчины не

6 носят на поясе револьвер, всегда готовые

выстрелить в человека. Как ты вообще могла согласиться на это, мама?

— Это было мое предложение.

Роуз никогда не признавалась в этом дочери, и теперь, глядя в изумрудные глаза Тиффани, расширившиеся от удивления, она пожалела, что не нашла способа объясниться раньше. Впрочем, вряд ли это было возможно.

— Выходит, это ты бросаешь меня на съедение волкам?

— Ради Бога, Тиффани, давай обойдемся без мелодрам. Это было единственное, что я могла придумать, чтобы покончить с враждой между Каллаханами и Уорренами. И хотя она началась не из-за полоски земли с источником воды, расположенной между двумя ранчо, обе стороны используют эту землю, чтобы подогревать раздор, объявляя ее своей собственностью. Я никогда не видела таких безмозглых упрямец. Стоит им одновременно оказаться у источника, и начинается стрельба. Включение этого участка в брачное соглашение между тобой и Хантером Каллаханом положило бы конец взаимным претензиям.

— И ты решила покончить с враждой, не тобой начатой, пожертвовав своей единственной дочерью?

— К вашему сведению, юная леди, Закери Каллахан — один из самых красивых мужчин, которых я когда-либо встречала. А с учетом того, что он женился на прехорошенькой женщине, можно не сомневаться, что его сыновья вырастут такими же красивыми. Так что я вовсе не считала, что приношу тебя в жертву. Наоборот, я была вполне уверена, что ты будешь в восторге, получив в мужья одного из Каллаханов. И потом, будучи человеком со стороны, я смотрела на вещи другими глазами. Конечно, владельцы ранчо довольно агрессивны, особенно когда дело касается их собственности, но не думаю, что для тех мест это

такая уж редкость. Фрэнк и Закери — всего лишь два упрямы, не желающие уступать ни пяди. Разлад начался с неприятной истории, а споры из-за ручья на границе между двумя ранчо не позволяют ему закончиться. Но это не значит, что Каллаханы — законченные негодяи. Возможно, у Закери вспыльчивый и задиристый характер, но он преданный муж и хороший отец, что многое говорит о семье.

— Не ты начала эту вражду, и не тебе ее кончать, мама. Зачем ты вообще вмешалась?

Роуз не собиралась обременять Тиффани ужасами, которые ей пришлось пережить. Стрельба поднималась очень часто, и она боялась, что ее дети нарвутся на пулю. А потом ей пришла в голову простая мысль: покончить с враждой через брак. Когда Роуз поделилась этой идеей с Фрэнком, она и представить себе не могла, что они с Тиффани не останутся в Монтане. Она воображала, что Тиффани и Хантер вначале подругаются, а потом самым естественным образом влюбятся друг в друга...

Роуз постаралась найти простое объяснение.

— Конечно, мне была ненавистна эта вражда, но я старалась не обращать на нее внимания, пока однажды ночью твоего отца не принесли домой полумертвым. Его подстрелил не сам Каллахан, а один из его работников. Забавно, но на Западе работники принимают сторону своего хозяина, и некоторые заходят дальше, чем им приказано. Как бы там ни было, твой отец чуть не умер, а я так отчаянно желала положить конец кровопролитию, что была готова на все. И помолвка оказалась идеальным решением. С тех пор воцарилось перемирие. Твои братья росли, не рискуя схлопотать шальную пулю каждый раз, когда покидали усадьбу.

Роуз затаила дыхание, с нетерпением ожидая ответа Тиффани. То, что она сказала дочери, было

8 лишь частью правды, хотя именно так они все

рассуждали, когда ранили Фрэнка. Но, как выяснилось позже, стрелок работал не на Каллахана. У него был другой хозяин, который дергал за ниточки, куда более беспринципный и изощренный. Когда Роуз узнала об этом и поняла, что не может предъявить обвинение истинному виновнику, она сделала единственное, что могла придумать, чтобы помешать Фрэнку отомстить после выздоровления. Она снова подняла вопрос о примирении с помощью брака — верном средстве покончить с враждой между семьями — и на этот раз настояла на своем.

Она была единственной, кто знал, что на самом деле произошло той ночью и почему. Пусть так все и останется. Тем более что согласие Тиффани на этот брак, устроенный родителями, стало бы спасением для двух соседствующих семей, слишком упрямых, чтобы договориться о совместном использовании воды. Но Роуз не собиралась принуждать дочь к решению проблемы, созданной старшими поколениями. Она могла только попросить Тиффани дать шанс Монтане и Хантеру Каллахану.

К счастью, на лице Тиффани отразилось легкое любопытство.

— А что случится, если я и вправду откажусь от этого брака? Они снова начнут убивать друг друга?

Роуз внутренне сжалась.

— Не знаю. Надеюсь, что пятнадцать лет мирного сосуществования заставили их осознать, что не следует продолжать борьбу, начатую их дедами, которая не имеет к ним никакого отношения.

— А с чего все началось?

— Точно не знаю. Это как-то связано со свадьбой, превратившейся в перестрелку.

— Ты хочешь сказать, что эти две семьи предполагали породниться еще два поколения назад?

— Очевидно.

— Я бы не сказала, что это говорит в пользу твоей идеи повторить попытку, — указала Тиффани. — Похоже, брак между этими семьями обречен на неудачу.

Роуз одарила ее строгим взглядом.

— С таким отношением — наверное. Ты не могла бы по крайней мере встретиться с этим молодым человеком без предубеждения? Дай ему шанс, Тиффани. Он может сделать тебя очень счастливой.

Тиффани ненадолго задумалась.

— Пожалуй, теперь, когда знаю, что не обязана против желания выходить за него замуж, я могу посмотреть на эту идею под новым углом... скажем, как на двухмесячные каникулы в другой части страны. Когда мы едем?

— Я не поеду... не до конца, во всяком случае. Я провожу тебя до Чикаго и буду ожидать там, чем закончится это ухаживание.

Плечи Тиффани поникли.

— Зачем вообще ехать, если не до конца?

— Потому что я хочу находиться в относительной близости на тот случай, если вдруг понадобится тебе. А благодаря железнодорожному сообщению, проложенному теперь до Монтаны, Чикаго совсем близко от Нэшарта. Разумеется, с тобой поедет Анна. И я договорилась, что в Чикаго нас встретит отставной маршал*, который будет сопровождать тебя на конечном отрезке пути, вплоть до порога твоего отца.

Тиффани казалась настолько удрученной предстоящей разлукой, что Роуз чуть сама не расплакалась.

— Неужели ты совсем не рада предстоящему путешествию? — с надеждой спросила она.

— Нет, — без всякого выражения отозвалась Тиффани и направилась к выходу.

— И совсем не хочешь снова увидеться с отцом?

— Снова?! — резко обернувшись, воскликнула Тиффани. — Я его даже не помню. Вы оба постарались, чтобы у меня не сохранилось никаких воспоминаний о нем. Будь честной, мама. Если бы я могла покончить с этой историей, не встречаясь с Франклином Уорреном, я бы так и сделала.

— Тиффани!

— Я не шучу и не хочу слышать всех этих оправданий, почему я росла без отца. Если бы он действительно хотел увидеть меня, то нашел бы способ. Однако этого не случилось. И теперь уже слишком поздно.

Она выскочила из гостиной, но Роуз успела заметить сердитые слезы, навернувшиеся на глаза дочери. Боже, что же она сделала с людьми, которых любит больше всего на свете?

Глава 2

Ссора с матерью так расстроила Тиффани, что ее сердце все еще болезненно сжималось, когда она спустилась к обеду. Роуз хватило одного взгляда на дочь, чтобы понять ее чувства. Она протянула руки, и Тиффани кинулась в ее объятия. А затем обе рассмеялись, потому что Тиффани с ее ростом пришлось слегка нагнуться, чтобы мать могла прижать ее к себе.

Обняв дочь за талию, Роуз повела ее в столовую. В доме Уорренов обеды носили формальный характер, и мать с дочерью одевались соответственно, независимо от присутствия гостей. Коралловое платье Тиффани украшала отделка из кремовых блесток вдоль выреза. На Роуз было синее платье с черным кружевом, но ее ярко-рыжие волосы с лихвой возмещали довольно скромные оттенки одежды. Только один из ее четырех детей, Рой, третий по старшинству, унаследовал ее рыжие волосы. Два

других сына были блондинами, как и их отец. И только Тиффани с ее рыжевато-золотистыми волосами пошла в обоих родителей.

— Мы больше не будем говорить на эту тему, пока не придет время паковать вещи, — заверила Роуз дочь, когда они заняли свои места в одном конце длинного стола.

— Все в порядке, мама. Просто я настроила себя на то, что никуда не поеду. А теперь, когда решила ехать, у меня возникло несколько вопросов, которые давно пора задать.

Пожалуй, ей не следовало говорить последнее, решила Тиффани, заметив настороженное выражение, мелькнувшее на лице матери, прежде чем та улыбнулась и сказала:

— Конечно.

— Насколько я знаю, трансконтинентальный экспресс пересекает всю страну за четыре дня, а Чикаго даже ближе, чем на полпути. Я ценю, что ты собираешься сопровождать меня туда, но почему бы тебе не вернуться в Нью-Йорк и не подождать результатов этого ухаживания дома, вместо того чтобы оставаться в Чикаго?

— Тебя и вправду это волнует?

Тиффани хмыкнула.

— Нет. Просто мне кажется, что если ты собираешься ехать до Чикаго, то я не вижу причин, почему бы тебе не проделать весь путь до Нэшарта. Зачем жить два месяца в отеле, когда...

— Чикаго — ближайший большой город, где имеются удобства, к которым я привыкла.

— Прекрасно, но разве в Нэшарте нет отеля?

— Когда я уехала оттуда, не было, только пансион. Теперь, возможно, появился, но я не могу скрываться в таком маленьком городе. Слишком многие меня помнят. Фрэнк обязательно узнает о моем приезде и выломает двери.

Тиффани бросила на мать недоверчивый взгляд.

— Выломает двери? А ты не преувеличиваешь?

— Нет.

— В таком случае почему он не явился сюда и не выломал двери? — поинтересовалась Тиффани с сердитыми нотками в голосе, которые мать, к счастью, не заметила.

— Потому что знал, что я посажу его в тюрьму, — отозвалась Роуз, добавив с отвращением: — В Нэшарте никто и глазом не моргнет, глядя на столь буйное поведение.

— Почему?

— Потому что я все еще его жена и все об этом знают, — ответила Роуз.

— Но почему, мама?

Вот он — вопрос, который интересовал Тиффани больше всего на свете и на который она никогда не получала удовлетворительного ответа. Ее родители пятнадцать лет жили отдельно, но так и не развелись, чтобы снова вступить в брак. А Роуз все еще оставалась красивой женщиной, не достигшей сорока лет.

Ее родители встретились в Чикаго, когда Роуз гостила у своей двоюродной бабки, теперь уже покойной. В свой последний вечер в Чикаго Роуз отправилась на званый обед, который устраивал друг ее бабки, адвокат. Так вышло, что среди его клиентов оказался Франклин Уоррен, приехавший в город для заключения контрактов по продаже скота. Он тоже получил приглашение на обед. Проболтав с Роуз весь вечер, Фрэнк сел на следующий день в ее поезд, доехал вместе с ней до Нью-Йорка и начал стремительно ухаживать, вскружив ей голову. Через месяц они поженились. И это было все, что Тиффани знала о браке своих родителей.

Не дождавшись ответа, она укоризненно добавила:

— Я полагала, что когда мне исполнится восемнадцать, ты наконец расскажешь, поче-

му я живу здесь, с тобой, а мои братья живут в Монтане с отцом.

— Здесь нечего рассказывать, — уклончиво отозвалась Роуз и принялась за суп, который только что подали. — Мы с твоим отцом просто не подходили друг другу.

— Предположим, вы достаточно подходили, чтобы пожениться и родить четверых детей.

— Не дерзи.

Тиффани скорчила гримаску.

— Извини. Мне не стоило этого говорить. Но, мама, я достаточно взрослая, чтобы услышать правду, и хотелось бы услышать ее до того, как я встречу с ним.

Роуз ела молча, словно не собиралась продолжать разговор. Тиффани так и не притронулась к своему супу.

Она уже подумывала о том, чтобы сдаться, когда Роуз наконец заговорила:

— Мы поженились слишком быстро, Тиффани, и только потом обнаружили, как мало у нас общего. И он не предупредил меня о вражде, которая не могла не повлиять на нашу жизнь. Тем не менее я делала все, чтобы наш брак состоялся. Я любила его.

И все еще любит, предположила Тиффани, но выдержалась от замечаний. Роуз всегда избегала этой темы. Утверждение, что они с Фрэнком не имели ничего общего, было явной отговоркой, чтобы не обсуждать настоящую причину, вынудившую ее оставить мужа.

— Будь у меня причина, я бы развелась с твоим отцом, — после короткого молчания добавила Роуз.

— Ты имеешь в виду другого мужчину?

— Да. Но этого не случилось. Впрочем, я не уверена, что могла бы получить развод. Вскоре после того как я сбежала, прихватив с собой тебя, он сказал, что не допустит развода.

14 — Ты сбежала?

— Да, посреди ночи, чтобы поймать первый утренний дилижанс и иметь фору перед Фрэнком. Тогда еще не было железнодорожного сообщения с Монтаной. А моя горничная прикрывала отъезд, сказав ему, что я плохо себя чувствую.

Тиффани была заинтригована. Она впервые слышала, что ее мать сбежала из Монтаны тайком. Но если Фрэнк не проснулся и не обнаружил, что ее нет рядом, то...

— Разве вы... не спали в одной комнате?

— Нет, к тому моменту нет.

Тема была не настолько деликатной, чтобы смущаться, и Тиффани задалась вопросом, почему щеки ее матери вдруг вспыхнули. Роуз не краснела даже два года назад, когда посвящала Тиффани в таинства замужней жизни. Но если брак ее родителей дошел до того, что они даже не спали в одной постели, то ответ отчасти напрашивался сам собой. Должно быть, Роуз перестала желать своего мужа — в том самом смысле. Либо это, либо Франклин Уоррен просто превратился в скверного мужа, жизнь с которым стала для Роуз невыносимой. И если последнее, то Тиффани хотела бы знать об этом раньше, чем появится на ранчо Уорренов. А вдруг он помешает ей уехать, если она откажется выходить замуж за Хантера Каллахана, точно так же как не давал уехать Роуз?

Но, поскольку Роуз явно чувствовала себя неловко, Тиффани решила не настаивать. Однако ей было любопытно, как матери удалось сбежать, ведь, возможно, и ей придется проделать то же самое.

— Разве добираться верхом не быстрее, чем в почтовой карете? — поинтересовалась она.

— Быстрее, конечно. К тому же я не сомневалась, что Фрэнк попытается перехватить нас по дороге. Поэтому на первой же остановке я купила билет на почтовую карету, следующую до ближайшей